

О. В. Воробьева

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ ВО ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА*

doi: 10.30759/1728-9718-2018-2(59)-49-58

УДК 930.2

ББК 63.0

Статья освещает промежуточные итоги реализации одноименного проекта на базе Института всеобщей истории РАН. Предлагается понимание цивилизационного дискурса как способа организации научного мышления и одновременно — как особого модуса человеческого существования в рамках больших и вместе с тем ограниченных во времени и пространстве исторических массивов. Дается обобщение материалов трех научных дискуссий, посвященных вызовам глобализации, модернизации и миграции. Показывается противоречивое взаимодействие глобализации и мировой истории, предельное обострение проблемы диалогового мышления и культурного синтеза как взаимовлияния и взаимопроникновения культурных сфер и систем ценностей, приводящих к появлению новых социокультурных феноменов. Отмечается влияние глобализации на процессы модернизации и их осмысление. Демонстрируется неравномерность протекания последней и многообразие ее моделей. Теория модернизации рассматривается как чрезвычайно сложная, неустойчивая и противоречивая парадигма изменений, нуждающаяся в дальнейшей спецификации применительно к конкретно-историческим условиям. Автор обращается к новым характеристикам, которые на рубеже XX и XXI вв. начали демонстрировать миграционные процессы. Делается вывод о том, что осмысление современных цивилизационных вызовов, обусловленных множеством сложных и разнонаправленных процессов современной динамики, глобализацией и становлением постиндустриального общества, требует оперирования качественно новой перспективой, не ограниченной национальными рамками, и эпистемологических ресурсов, выходящих за пределы классического системного анализа.

Ключевые слова: *цивилизационные вызовы, глобализация, вестернизация, культурный синтез, диалог культур, модернизация, модернити, миграции, цивилизации, цивилизационный дискурс*

В 2012 г. Центром сравнительной истории и теории цивилизаций Института всеобщей истории РАН был запущен междисциплинарный научный проект «Цивилизационные вызовы во всемирно-исторической перспективе: взгляд из XXI века». За пять лет его реализации состоялся ряд научных конференций и круглых столов, участниками которых стали представители академической и университетской науки. Содержание научных дискуссий уже нашло отражение в отдельных публикациях, преимущественно в тематических выпусках сборника «Цивилизации»; планируется издание коллективной монографии. И хотя проект еще далек от завершения, возникает

потребность подвести предварительные итоги, сделать отдельные выводы и обобщения.

Замысел проекта возник под влиянием кардинальной трансформации, с одной стороны, современного мирового пространства (что связано с процессами глобализации, модернизации, массовых миграций, интенсификации коммуникаций, развитием информационных технологий и т. п.), с другой — современного научного знания (в том числе экспансии цивилизационной проблематики в ранее не освоенные области, равно как и новой проблематики — в сферу цивилизационных исследований). В первом случае речь идет об изменениях, которые создают совершенно иной контекст существования и взаимодействия цивилизаций, резко интенсифицирующий динамику межцивилизационных отношений и одновременно размывающий привычные цивилизационные границы, приводящий к тесному взаимодействию цивилизационного и постцивилизационного. Это становится своего рода вызовом существующим цивилизациям, их способности мобилизовать свой потенциал,

Воробьева Ольга Владимировна — к.и.н., в.н.с., руководитель Центра сравнительной истории и теории цивилизаций, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва)
E-mail: vorobushek1@yandex.ru

* Статья подготовлена при поддержке РНФ, проект № 17-78-30029 «Когнитивные механизмы и дискурсивные стратегии преодоления социокультурных угроз в исторической динамике: мультидисциплинарное исследование»

свои ресурсы, в том числе (а возможно, и в первую очередь) нематериальные, для собственного выживания, их способности искать пути продуктивного сотрудничества и развития. Насущность этого вопроса становится очевидной в контексте постепенного «проявления» феномена глобализации — разнонаправленного процесса, включающего в себя одновременно процессы объединения и разделения, универсализации и партикуляризации, конвергенции и дивергенции. Во втором случае речь идет о специфике современного научного знания, все больше напоминающего междисциплинарное по своей сути знание общенаучного типа, опирающегося на нелинейное и амбивалентное понимание исследуемых процессов, позволяющего найти контуры сопряжения макро- и микроисторического анализа, характеризующегося диалектической конфликтной синтезностью. Такое знание является одним из факторов, влияющих на характер протекания цивилизационных вызовов. Отмеченные изменения сильно релятивизируют концепт цивилизации, делаю его рабочим только в соотношении с другими концептами, отражающими современное устройство мира.¹ Еще раз подчеркну эту важную мысль: «цивилизация» сегодня — не самодостаточный, не всеобъясняющий и ни в коем случае не абсолютный конструкт теоретического мышления. Это конструкт условный, наводящий, способный взаимодействовать с другими конструктами и подходами по принципу дополнительности, если, конечно, найти органичные, а не механические пути такой комплементарности.

Здесь уместно сослаться и на наше понимание специфики цивилизационного дискурса, выработанное в ходе специального научного семинара² и с опорой на наработки другого проекта — «Цивилизации в глобализирующемся мире».³ Цивилизационный дискурс, вслед за Е. Б. Рашковским, мыслится нами как особый способ организации научного мышления, научной речи, призванный анализировать и описывать целый пласт чело-

веческой действительности (прямолинейно не сводимый к закономерностям географии, социальности и экономики, хотя и тесно связанный с ними) — особый модус человеческого существования в рамках больших и вместе с тем ограниченных во времени и пространстве исторических массивов.⁴ В первую очередь, этот модус связан с различными проявлениями человеческой субъектности, а именно — с конкретными господствующими в тех или иных пространственно-временных общностях особенностями человеческого мышления, понятиями, ценностями, объемлющими, пронизывающими и отчасти формирующими опыт цивилизаций, причем не только их внутреннюю целостность, но и их внутренний плюрализм, неоднородность. Кроме того, этот модус тесно связан с институтами как организационными формами реализации этих ценностей, причем не столько в их индивидуальном, сколько в групповом, осредненном преломлении.⁵ Лишенные субъектного, если угодно, антропологического измерения, цивилизации превращаются в совокупность экономических, социальных и политических институтов, в некую жестко структурированную рамку, которая не позволяет понять причины приспособления, выживания, динамики разных цивилизаций, их способности или, наоборот, неспособности адекватно отвечать на внешние вызовы (как тут не вспомнить центральный тезис постструктурализма «структуры не выходят на улицы»).

Таким образом, цивилизационные вызовы затрагивают ключевые ценности и институты современного мира и отдельных цивилизаций. Перечень этих вызовов значителен и включает в себя целый спектр рисков и угроз. Их обстоятельное изучение требует систематического и междисциплинарного осмысления, комбинированных исследовательских стратегий, организационных усилий. Данный обзор — лишь малая толика масштабной по своему объему исследовательской топики, которая уже нашла отражение в рамках проекта.

¹ Интересную мысль об этом можно найти у М. А. Чешкова. См.: Цивилизации в глобализирующемся мире. Предварительные итоги междисциплинарного проекта: по материалам научной конференции. М., 2009. С. 139.

² См.: Цивилизации. Вып. 9: Цивилизация как идея и исследовательская практика. М., 2014; Воробьева О. В. История и теория цивилизаций: в поисках новых перспектив // Там же. С. 5–26.

³ Цивилизации в глобализирующемся мире. Предварительные итоги междисциплинарного проекта.

⁴ См.: Рашковский Е. Б. И вновь о цивилизационном дискурсе: попытка объясниться // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 1. С. 99, 100.

⁵ См.: Рашковский Е. Б. Цивилизационная теория: познание истории — познание современности // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 9. С. 84. См. об этом также: Хорос В. Г. Модернизация в цивилизационном анализе // Цивилизации. Вып. 10: Модернизация и цивилизационные вызовы XXI века М., 2015. С. 9.

Диалог цивилизаций и идея культурного синтеза в эпоху глобализации

Большое место в рамках проекта занимают проблемы глобализации — наиболее масштабного и важного процесса последних десятилетий, влияющего на возникновение или протекание других вызовов. Однако по мере разворачивания этот процесс становится все менее определенным, более многозначным, как и роли его акторов. В нем сочетаются черты экономической глобализации, во главе которой идут транснациональные корпорации (ТНК) и которая предполагает все большую унификацию мира, и коммуникативной глобализации, главенствующую роль в которой играют сетевые сообщества, некоммерческие организации, религиозные конфессии и другие формы гражданского общества, часто акцентирующие внимание на местных особенностях, в том числе цивилизационных, способствующие развитию региональных и локальных идентичностей. Если деятельность ТНК с их идеалом экономического (а подчас и политического) господства часто рассматривается как источник глобальных проблем, представляющих угрозу процессу глобализации, то деятельность альтер-глобалистов и даже антиглобалистов с их идеалами глобальной прозрачности и коммуникации, привлекающих общественное мнение к устранению этих проблем, может рассматриваться как важная движущая сила процесса глобализации.

Противоречиво взаимодействие глобализации и мировой истории. Долгое время процесс универсализации мирового пространства сопровождался распространением одного локального варианта исторического сознания — нормативной, детерминистской, европоцентрической версии всеобщей истории, основанной на представлении о линейно-стадиальном развитии человечества. Эта версия отводила странам Востока и Юга второстепенную роль и служила обоснованием цивилизационной миссии Запада. Поэтому современный этап глобализации, начавшийся в послевоенный период, ассоциируется прежде всего с преодолением границ между историей «цивилизированных» стран и остального человечества. Это было связано с постколониальной критикой, обратившей внимание на роль «воображаемой истории» и вскрывшей в 1970–1990-х гг. идеологический характер образов Востока и Юга, показав реальную, активную роль этих регионов во всеобщей

истории. Правда отношения разновидностей мировой (глобальной, транснациональной, интернациональной) истории и постколониальной критики с тех пор бывали разными, что связано как с радикализмом этой критики, субалтерных исследований и деколониального поворота, нередко прибегавших к инверсиям европоцентризма (в духе китаецентризма или афроцентризма), так и с радикализмом европоцентристского, имперского реваншизма.

Столь же противоречиво соотношение глобального и цивилизационного подходов. Ситуация глобализации, с одной стороны, угрожает существованию многих человеческих миров и созданных ими проектов мироустройства, но вместе с тем, способствуя нарастающей взаимосвязанности, взаимосоотнесенности и взаимозависимости стран и регионов, создает новый всемирно-исторический контекст взаимодействия цивилизаций и культур, ставя его в условия сложной диалектики национального и глобального, меняя модели и формы культурной репрезентации, механизмы распространения и восприятия культурных образов, идеалы их взаимодействия (перекрестная история, мультиперспективизм). В этой ситуации предельно обостряются проблемы диалогового мышления и культурного синтеза как взаимовлияния и взаимопроникновения (а также взаимоотторжения и взаимоизоляции) культурных сфер и систем ценностей, что приводит к появлению новых социокультурных феноменов при сохранении многообразия их форм. Особенно ярко эти проблемы проявляются на уровне взаимодействия культурных ценностей и выработки этики глобализации.

Темы переплетения глобальной истории и истории цивилизаций находят отражение в работах таких крупных историков и мыслителей, как А. Дж. Тойнби, У. Макнил, С. Хантингтон, Ю. Остерхаммель, Г. С. Померанц. Эта глобализационная и цивилизационная проблематика разрабатывается в проекте критически и рефлексивно, в стилистике перекрестной истории, исходя из разных познавательных перспектив, с разных идеологических и эпистемологических позиций, на междисциплинарной основе, с применением подходов истории, философии, религиоведения, политологии, социологии, лингвистики, психологии, географии.

Тематика обсуждения концентрируется вокруг перспектив развития современного миропорядка, столкновения и диалога цивилизаций, взаимоотношения между которыми стали

особенно острыми после событий 11 сентября 2001 г. и подвергаются всестороннему осмыслению на международном и национальном уровнях. Проводится анализ исторических и теоретических истоков политики *глобализации без гегемонизма* и *разнообразия без замкнутости и угроз*; взаимодействия логик смысловой конвергенции и взаимополагания межкультурного единства мира, с одной стороны, и культурной обособленности цивилизаций — с другой; движения от международной (на уровне мировых держав) к подлинно глобальной intersубъективности. Участники проекта с разных сторон исследуют взаимодействие универсалистского, имперского и цивилизационного сознания, обосновывают важность как универсальной этики, так и цивилизационного уровня диалога как воплощения варианта мультикультурализма, позволяющего решать проблему межкультурного перевода. Раскрывается воплощение этих принципов в исторических исследованиях на базе перехода от универсализма к релятивизму, от объяснения к пониманию, на основе соединения конструктивистского и идентификационного подходов, трансформации понятийного аппарата, акцентирующего роль онтологической и эпистемологической поликультурности. Ставятся вопросы о том, какой может быть мера преодоления универсализма и классических подходов к политике и знанию, как можно оценить распространение полисемантических понятий и, соответственно, как интерпретировать положения книги «Преодолевая барьеры. Диалог между цивилизациями» (2001), имеющей ключевое значение для раскрытия реальных перспектив диалога цивилизаций. На этот счет высказываются различные мнения. В частности, прослеживаются истоки противоречий исторического сознания и форм идентификации, накопившихся в XIX–XX вв.; дается социально-психологический анализ напряжений, возникающих между культурным истеблишментом и аутсайдерами, а также связанных с ними форм ложной памяти и ложного исторического сознания; анализируются диалогические потенциалы опыта межэтнических отношений в традиционных империях;⁶ отмечаются трудности движения в направлении диалога цивилизаций.⁷

⁶ См.: Мухин О. Н. Империи и диалог культур: «понимание» против «объяснения» // Цивилизации. Вып. 11: Диалог цивилизаций и идея культурного синтеза в эпоху глобализации. М., 2017. С. 93.

⁷ См.: Следзевский И. В. Диалог цивилизаций в глобальном измерении: новые смыслы старой идеи // Там же. С. 50;

Повышенное внимание уделяется возникающим в связи с процессом глобализации проблемам исторической идентичности и исторической памяти. Анализируются теоретические проблемы самоидентификации населения в условиях глобализации, а также многообразие трактовок идентичности и идентификации, возникших в ходе эволюции понятия идентичности: от характеристики фиксированной данности и ее кризиса к совокупности практик и идеи множественной идентичности, анализу иерархий идентичности, процессов ее децентрализации и деиерархизации. При сходных эпистемологических подходах участники проекта по-разному трактуют тему, что связано, с одной стороны, с идеалом постнациональности, с другой — с идеалом традиции как способа преодоления аномии и хаоса, восстановления целостности личности. Можно сказать, что эти позиции порождены разными формами исторического сознания — тем, что Г. Люббе определял как «обширное настоящее» и «сужающееся настоящее», что отражает сложные проблемы групп населения, чья интеграция в глобализирующийся мир происходит наиболее проблемно (молодежь развитых и быстро развивающихся стран, население Африки южнее Сахары). В центре исследований — соотношение разных форм идентичности, роль субнациональной (групповой, племенной), национальной, региональной (цивилизационной) идентичности и формирование постнациональной идентичности. Рассматривается связь последней с мобильностью, с микрогрупповой и индивидуальной формами самоидентификации, с воспроизводящими их коммуникативными стратегиями и коммеморативными практиками (в том числе в повседневной жизни, через смешанные стили работы, быта и досуга).

*Модернизация versus вестернизация:
цивилизационный вызов
исторического авангарда?*

Глобализация оказывает существенное влияние на протекание и осмысление процессов социальной динамики, задавая качественно новую перспективу и одновременно ретроспективу развитию и взаимодействию цивилизаций, в последнем случае становясь своего рода «зеркалом заднего видения» для развернувшихся повсеместно процессов модернизации.

Ионов И. Н. Этапы глобализации и проблема диалога цивилизаций // Там же. С. 77, 78.

С середины XX в. стало возможным говорить не только о появлении теории модернизации, но и о формировании модернизационной перспективы — определенного ракурса рассмотрения действительности, призванного объяснять различные аспекты процессов развития и постоянно вносящего коррективы в свое содержание под влиянием взаимодействия с реальной динамикой исторического процесса. Вступление человечества в новый, постиндустриальный и, возможно, постцивилизационный этап развития, распад колониальных империй, разворачивание процессов глобализации позволило погрузить проблему модернизации в новые контексты и в очередной раз задуматься о ней как о сложном и неоднозначном феномене.

Исходя из исторического опыта Запада, под модернизацией первоначально понимали переход от традиционного общества к современному, воплотившийся в виде тройной «революции» (в экономике — индустриализация; в политике — государство, основанное на согласии граждан; в культуре — возникновение современной науки и мировоззрения, в частности секуляризация сознания). Но уже в 1960–1970-е гг. стало очевидным, что понимание модернизации в соответствии с ее универсалистской парадигмой не соответствует действительности, да и сам термин стал чаще использоваться во множественном, а не в единственном числе. В центре внимания оказалась проблема соотношения модернизации и вестернизации, альтернативных «модернити», переходных обществ, контр- и антимодернизаций и т. п. Насколько уместно рассматривать Запад как гомогенный феномен, одностороннее распространяющий свое влияние на незападный мир? Насколько разнообразным является восприятие этого влияния(ий) столь же гомогенным / гетерогенным (?) Востоком, повсеместно отреагировавшим на это вторжение? Возможна ли модернизация без вестернизации или она является универсальным процессом, неизбежно приводящим к трансформации всего цивилизационного миропорядка? Эти и другие вопросы, поставленные в свое время в нашумевшей статье С. Хантингтона, привели в итоге к распаду конструкта современности на соперничающие научные, идеологические и культурно-цивилизационные проекты, такие как «модернизация без вестернизации», «модернизация как распространение по всему миру глобальной культуры», «модернизация как участие в но-

вой, современной и универсальной (западной) традиции», «национальная модель модернизации», проводимая на основе «сохранения и укрепления фундаментальных ценностей культуры и религии». Но исчерпывается ли такая модернизация причудливым сочетанием уникальности и унифицированности или предполагает какие-то другие смыслы? Насколько спонтанен этот процесс или он требует целенаправленных и совместных усилий власти, бизнеса, общества, исследователей?

В рамках проекта рассмотрены концепции «множества модерностей»⁸ и «второй модерности».⁹ Первая концентрирует свое внимание на разнообразии путей и способов осуществления модернизации на примере разных цивилизаций, обществ и регионов, а также на соотношении мировой модернизации и ее региональных вариантов.¹⁰ Основными здесь являются проблемы асинхронности разных сторон модернизации, множества ее неповторимых комбинаций, «ловушек» догоняющей и селективной модернизации и т. д. и т. п. Концепция «второй модерности» сосредоточена не столько на внутренних особенностях модернизирующихся стран и регионов, сколько на особенностях их взаимодействия с изменившимся окружающим миром. Суть этого изменения заключается в разрушении базовых принципов индустриального общества, символизирующих «первую модерность», и в переходе в новую фазу цивилизационного процесса, в которой происходит соединение элементов традиционности, ранней и новейшей фаз модернизации, а Запад, не являясь более венцом исторического развития, вынужден совместно и наравне с другими регионами критически переоценивать свое недавнее прошлое.¹¹ В результате возникает образ *гете-*

⁸ См.: Eisenstadt S. N. Multiple Modernities // *Dædalus*. 2000. Vol. 129, № 1. P. 1–29; Ibid. The great revolutions and the civilizations of modernity. Leiden; Boston, 2006.

⁹ См.: Beck U., Grande E. Varieties of second modernity: The cosmopolitan turn in social and political theory and research // *British journal of sociology*. 2010. Vol. 61, № 3. P. 409–443.

¹⁰ См., напр., об этом: Побережников И. В. Периферийная модернизация в российской империи: региональные варианты // *Цивилизации*. Вып. 10. С. 179–200; Бородкин Л. И. Общее и особенное в процессах модернизации России в XIX–XX веках (методологические аспекты) // Там же. С. 201–214.

¹¹ См.: Бауман З. Текущая модерность: Взгляд из 2011 года: лекция Зигмунта Баумана. URL: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (дата обращения: 03.03.2014); Гордон А. В. От классической к постклассической модернизации // *Цивилизации*. Вып. 10. С. 137–166.

рогенной современности, совмещающей традиции с преемственностью перемен.¹²

Однако признавая за концепцией «множества модерностей» эвристический потенциал, некоторые участники проекта, вслед за А. Туреном, все же полагают, что идея множественности относится не столько к сущности, сколько к путям модернизации, в то время как сама «модерность сущностно едина», а множественное число лишает понятие «всего его содержания».¹³ Л. Б. Алаев, например, считает, что «вестернизация и модернизация — не синонимы, но сямские близнецы... Вестернизация шире модернизации, включает разного рода поверхностные заимствования, не затрагивающие характер личности и потому легко отбрасываемые при изменении внутренней или международной обстановки. Модернизация же заключается в процессах перестройки всего общественного организма, хотя может идти разными тропами: и через заимствование техники и технологии, но обязательно также и через усвоение культурных завоеваний более развитых обществ (курсив мой — О. В.)...» Что касается лозунга «Модернизация без вестернизации», то он, по мнению ученого, выдвигается восточными элитами «исключительно с целью сохранения своей власти и привилегий, сохранения того, что консервирует отжившее и мешает развитию».¹⁴ Излишний акцент на уникальности и утверждение отсутствия закономерностей в эволюции социальных процессов кажутся деструктивными и Л. И. Бородкину, который полагает, что продуктивнее говорить о «соотношении общего, особенного и единичного в процессах развития различных стран».¹⁵

Отмечая чрезвычайную запутанность теории модернизации для восприятия и понимания, возникшую вследствие расширения ее понятийного и концептуального ряда, и задумываясь о постепенной утрате ею своего прежнего статуса авторитетной и полезной конструкции, О. Н. Мухин предлагает зафиксировать ее границы в рамках изначального идеального типа, включающего в себя набор

базовых характеристик (капитализм, демократия, рациональность), и констатировать ее успешность только тогда, когда западные заимствования принимают органическую форму по всем трем ее направлениям. Что касается анализа обществ, развивающихся по другому пути, «следует создать иные теоретико-методологические конструкции, оставив теории модернизации в качестве ее “епархии” обществом модерна и его региональные и цивилизационные версии, что позволит сохранить за ней ее эвристический потенциал».¹⁶

Иное видение развития теории предлагает И. В. Следзевский, ставя под сомнение возможность сохранения целостной теории модернизации как единого научно-теоретического строя, хотя и соглашаясь с наличием неизменной смысловой рамки образа «модернити» как идеала постоянного изменения и совершенствования социального порядка. Неустойчивость и противоречивость смыслового поля этой теории связываются им с ее изначальной двойственностью, поскольку она включает в себя, с одной стороны, *культурно-дискурсивный конструкт* «модернити», его репрезентацию и объективацию в терминах и образах самоочевидного, предпосылочного, фонового знания, а с другой — *научный концепт*. Постепенное лишение культурного конструкта современности единого и целостного содержания, нарастание в нем идеи разнообразия и противоречий неизбежно влияют и на концептуальное ядро теории, разрушая ее нормативно-ценностное содержание. А поскольку трансформация культурного конструкта модернити находится еще в самом начале, о его результатах пока что можно только догадываться. Ее итогом может стать как дальнейшее разрушение универсалистско-модернистского типа культурной репрезентации, ориентированного на моделирование социальных и культурных процессов по образцам более развитых и «успешных» обществ, так и дальнейшее уточнение, дифференциация, конкретизация «прежней предельно умозрительной схемы модернизации, ограничение ее значения ролью концепций-моделей, снабжающих наблюдателя (аналитика, эксперта, теоретика) более разнообразными формальными схемами, идеальными образцами и образами...»¹⁷

¹² См.: Следзевский И. В. Культурные и научные основания теории модернизации (проблема взаимоотношений) // Цивилизации. Вып. 10. С. 61.

¹³ Tourain A. La fin des sociétés. Paris, 2013. P. 421, 428.

¹⁴ Алаев Л. Б. Модернизация или «опора на собственные слаботи»? // Цивилизации. Вып. 10. С. 31.

¹⁵ Бородкин Л. И. Общее и особенное в процессах модернизации России в XIX–XX веках (методологические аспекты) // Там же. С. 201.

¹⁶ Мухин О. Н. «Больше модернов хороших и разных?»: специфика модернизации в незападных обществах (проблема теории) // Там же. С. 28, 29.

¹⁷ Следзевский И. В. Культурные и научные основания теории модернизации (проблема взаимоотношений). С. 66, 67.

Теория модернизации, таким образом, рассматривается как чрезвычайно сложная, неустойчивая и противоречивая парадигма изменений, нуждающаяся в дальнейшей спецификации применительно к конкретно-историческим условиям. Ставится вопрос о перспективе модернизационных идей в условиях нарастающей фрагментации и релятивизации конструкта «модернити» и перехода к постиндустриальному обществу и постнеклассическому типу знания. Актуальный ответ на этот вызов связывается с насущной необходимостью переустройства и развития российского общества, нахождения им своего варианта встраивания в современность.

*Миграционные вызовы
во всемирно-исторической перспективе*

Происходит обращение к новым характеристикам, которые на рубеже XX и XXI в. начали демонстрировать миграционные процессы в различных регионах мира.¹⁸ В их числе самовоспроизводящийся характер современных миграций, способный развиваться и усиливаться независимо от конкретных и преходящих причин, а также насильственный характер воздействия этого феномена на сложившиеся социокультурные общности, что дает основания говорить о новом этапе гетерогенизации Старого Света, и что, очевидно, будет иметь далеко идущие последствия: надежды, которые возлагаются частью общественного мнения и элит Евросоюза на возможность дальнейшей аккультурации мигрантов из развивающихся стран, кажутся все менее реалистичными. Жители Европы видят в быстром росте иноцивилизационных анклавов отчетливую угрозу своей национально-культурной идентичности. Парламентские и президентские выборы в «странах-локомотивах» Евросоюза — Германии и Франции — уже начинают давать в этом отношении весьма ценный материал. Отмечаются, как межцивилизационные, так и внутрицивилизационные импульсы современного миграционного процесса, о чем свидетельствуют, например, разные волны массовой иммиграции во Франции: если двигателем первых двух волн являлась потребность страны в рабочей силе, то «локо-

мотивом» современной стало сложное сочетание необходимости индустриализации и последствий деколонизации, причем проблемы с адаптацией имеют даже внутриевропейские переселенцы (А. В. Гордон). Не менее важное влияние на современные миграционные процессы оказывает ситуация постмодерна, характеризующаяся переходом от унификации к мультикультурализму.

Обращается внимание на преобладание трех аспектов в современных исследованиях миграций и мигрантов (Е. Е. Савицкий): первый касается их юридического статуса и его трансформаций; второй связан с занимаемыми мигрантами экономическими нишами и социальными последствиями возрастающей мобильности населения; третий — с гибридной социокультурной облика мигрантов, влияющей на сложность их аккультурации и на выстраивание внутрисоциальных отношений. Однако фигура мигранта представлена в этих исследованиях в виде составляющих, конкретный живой человек с его желаниями, страхами, мечтами и памятью редуцируется к абстракциям правового или социально-экономического статуса, культурной идентичности, что мешает увидеть историю не с позиции «оседлого» жителя страны, обеспокоенного правовыми, экономическими и культурными последствиями миграций, а с позиции самого мигранта. Эта проблема непосредственно касается и транснациональной истории, актуальность которой как раз обосновывается необходимостью изменения самого дискурса современности, невозможностью схватывания современного мира с его мощными миграционными процессами и транснациональными взаимодействиями сетью прежних понятий, приспособленных прежде всего к анализу национально-государственных аспектов мировой истории.

Подчеркивается необходимость уйти от одномерных представлений об идентичности мигрантов (О. В. Воробьева). История последнего столетия, чрезвычайно усложнившая человеческую ролевую структуру, придав ей многосоставность, многозначность, многомерность и даже конфликтность между ее различными параметрами, вывела проблемы человеческого самоопределения и самопонимания на первый план, а переход к информационному обществу добавил свою толику остроты в эту проблематику. Изучение этой проблемы в рамках цивилизационных исследований уже

¹⁸ Здесь и далее обзор состоявшейся дискуссии проводится на основе записей, сохранившихся в личном архиве автора. Фамилии участников, высказавших те или иные идеи, указываются в скобках. Материалы дискуссии планируется опубликовать в отдельном тематическом выпуске.

показало сложную иерархичность и многоставность идентификационных самоопределений, наличие, например, наряду с глобальной самоидентификацией населения, гибридности и гетерогенности идентичностей внутри различных цивилизаций (в том числе региональной и этнокультурной гетерогенности ряда цивилизаций). Речь идет о периферийном самосознании, о трудности промежуточной самоидентификации и попытках преодолеть эту периферийную самоидентификацию, о наметившейся и настораживающей тенденции к упрощению, архаизации, связанной с непосильной для целых групп людей необходимостью существовать в условиях многозначной и многомерной самоидентификации.

Осмысливается место России в современных миграционных процессах и ее специфика. Включенная после распада СССР и падения «железного занавеса» в систему международных миграций населения, Россия заняла особое положение между глобальным «Востоком» и глобальным «Западом». В странах «дальнего зарубежья» после 1991 г. сформировалась новая русскоязычная диаспора. Ставится вопрос о возможности наших соотечественников стать дополнительным ресурсом развития отдельных российских территорий, а в перспективе — фактором, влияющим на укрепление связей между Россией и зарубежными странами (М. С. Савоскул). Особое внимание уделяется перспективам ближневосточных миграций из России и в Россию. Делается прогноз о дальнейшем усилении мусульманской эмиграции в Турцию вследствие отсутствия в современной исламской политике РФ способов интеграции «новых мусульман» в современную политическую жизнь и использования их как ресурса общественной стабилизации, а также в связи с сокращением бюджетных поступлений в республиках Северокавказского федерального округа и с резким ухудшением качества жизни в них в условиях экономического кризиса и связанных с ним негативных ожиданий (Н. А. Нефляшева). Основным и наиболее острым фактором, порождающим обратную миграцию из стран Ближнего, Среднего Востока и Северной Африки в Россию, стали исламистские движения, отрицающие право людей на религиозное инакомыслие. Россия и другие участники СНГ, а также Афганистан, Пакистан, Индия, Бангладеш являются наиболее вероятными зонами прохождения миграций (А. Н. Саватеев). Подчеркивается необходимость подготовки России

к наплыву мигрантов, что предполагает разработку адекватной правовой базы, а также всестороннее изучение потенциальных мигрантов, специфики их конфессиональных убеждений, ценностей, норм, особенностей культурной и цивилизационной идентичности.

Все это свидетельствует о том, что осмысление современных миграционных процессов, обусловленных множеством сложных и разнонаправленных процессов современной динамики, в том числе глобализацией и становлением постиндустриального общества, требует оперирования качественно новой перспективой, не ограниченной национальными рамками, и эпистемологических ресурсов, явно выходящих за рамки классического системного анализа.

* * *

Современные общества находятся в состоянии постоянного изменения. Формируется глобальное пространство человеческих ресурсов и коммуникаций. Между культурами и цивилизациями идет интенсивный обмен, влияющий на соотношение внутри них традиции и новации. Сегодня пока невозможно ответить на вопрос, насколько глубоко эти изменения способны проникнуть в ядро отдельных цивилизаций. Перед ними стоит трудная задача сохранить свою социокультурную специфику, одновременно поддерживая определенный уровень развития и постоянно повышая его. Эта задача усложняется чрезвычайной динамикой современного мира, в том числе трансформациями самого процесса глобализации. В результате способность отвечать на вызовы времени становится насущной практической и научной проблемой. Она требует, в частности, адекватного научного ответа, включающего в себя поиск не только продуктивных направлений исследований, но и других эпистемологических оснований, адекватного научного языка, позволяющего обнаружить, объяснить и описать затененные прежде или по-новому «заигравшие» аспекты социокультурного существования и взаимодействия. В этих условиях цивилизационный анализ, имеющий определенные ресурсы для «схватывания» текущей современности, вновь обретает свою эвристичность, хотя и требует осторожности и вдумчивости. Концептуальная разногласия исследователей, обнаруживающаяся по мере реализации проекта, обуславливается, с одной стороны, особенностями постановки вопросов в рамках классического, неклассического и

постклассического типа рациональности, с другой — насущностью поиска продуктивного ответа для российского общества, что осложняется неопределенностью ситуации в отношении его развития и идеологической анга-

жированностью в исследованиях. Поднятые в рамках проекта вопросы требуют дальнейших размышлений и обобщений как на уровне теоретической рефлексии, так и на уровне конкретной цивилизационной эмпирики.

Olga V. Vorobyeva

Candidate of Historical Sciences, Institute of World History of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: vorobushek1@yandex.ru

CIVILIZATION CHALLENGES IN THE GLOBAL-HISTORICAL PERSPECTIVE:
VIEW FROM THE 21ST CENTURY

The article covers intermediary outcomes of the like-named project undertaken by the RAS Institute of World History. The author offers the understanding of civilization discourse as a means of organizing the academic thought and analysis of a specific human existence modus within the framework of the large, however still spatially and temporally limited, historical cohorts. The paper sums up the proceedings of three academic discussions focusing on the challenges of globalization, modernization and migration. The analysis revealed the contradictory interactions between the globalization processes and world history, the ultimate aggravation of the dialog thinking and the cultural synthesis problem as the mutual influence and interpenetration of the cultural spheres and the value systems resulting in the emergence of new socio-cultural phenomena. The author noted the effect of globalization on the modernization processes and their interpretation demonstrating at the same time their irregularity and a great variety of the existing models. The theory of modernization is understood as the extremely complex, unstable and controversial paradigm of change requiring further specification with regard to the specific historical conditions. The author refers to the new characteristics acquired by the migration processes at the turn of the 20th–21st centuries. The author draws a conclusion that the understanding of the modern civilizational challenges stemming from the numerous complex and multidirectional contemporary dynamics processes, globalization and the evolution of the post industrial society requires operating with the qualitatively new perspective transgressing the limits of the nations, as well as the epistemological resources crossing the boundaries of the classical system analysis.

Keywords: *civilizational challenges, globalization, Westernization, cultural synthesis, dialogue of cultures, modernization, modernity, migration, civilization, civilizational discourse*

REFERENCES

- Alayev L. B. [Modernization or “reliance on our own weaknesses”?]. *Tsivilizatsii* [Civilizations]. Moscow: Nauka Publ., 2015, iss. 10, pp. 31–51. (in Russ.).
- Bauman Z. [Flowing modernity: a look from 2011. Lecture of Zygmunt Bauman]. Available at: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (accessed: 26.12.2017). (in Russ.).
- Beck U., Grande E. Varieties of second modernity: The cosmopolitan turn in social and political theory and research. *British journal of sociology*, 2010, vol. 61, no. 3, pp. 409–443. (in English).
- Borodkin L. I. [General and special in the processes of Russia’s modernization in the 19th–20th centuries (methodological aspects)]. *Tsivilizatsii* [Civilizations]. Moscow: Nauka Publ., 2015, iss. 10, pp. 201–214. (in Russ.).
- Cheshkov M. A. *Tsivilizatsii v globaliziruyushchetsya mire. Predvaritel’nyye itogi mezhdistsiplinarnogo proyekta: po materialam nauch. konf.* [Civilizations in a globalizing world. Preliminary results of the interdisciplinary project: based on the materials of the Sci. Conf.]. Moscow: IMEMO RAN Publ., 2009, pp. 139–144. (in Russ.).
- Eisenstadt S. N. Multiple Modernities. *Dædalus*, 2000, vol. 129, no. 1, pp. 1–29. (in English).
- Eisenstadt S. N. The great revolutions and the civilizations of modernity. Leiden/Boston: Brill, 2006, 227 p. (in English).
- Gordon A. V. [From classical to postclassical modernization]. *Tsivilizatsii* [Civilizations]. Moscow: Nauka Publ., 2015, iss. 10, pp. 137–166. (in Russ.).

- Ionov I. N. [Stages of globalization and the problem of the dialogue of civilizations]. *Tsivilizatsii* [Civilizations]. Moscow: Nauka Publ., 2017, iss. 11, pp. 54–83. (in Russ.).
- Khoros V. G. [Modernization in civilizational analysis]. *Tsivilizatsii* [Civilizations]. Moscow: Nauka Publ., 2015, iss. 10, pp. 7–15. (in Russ.).
- Mukhin O. N. [“More moderns of good and different?”: the specificity of modernization in non-Western societies (the theory problem)]. *Tsivilizatsii* [Civilizations]. Moscow: Nauka Publ., 2015, iss. 10, pp. 16–30. (in Russ.).
- Mukhin O. N. [Empires and dialogue of cultures: “understanding” against “explanation”]. *Tsivilizatsii* [Civilizations]. Moscow: Nauka Publ., 2017, iss. 11, pp. 84–95. (in Russ.).
- Poberezhnikov I. V. [Peripheral Modernization in the Russian Empire: regional options]. *Tsivilizatsii* [Civilizations]. Moscow: Nauka Publ., 2015, iss. 10, pp. 179–200. (in Russ.).
- Rashkovskiy Ye. B. [And again about the civilizational discourse: an attempt to explain]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2010, no. 1, pp. 98–102. (in Russ.).
- Rashkovskiy Ye. B. [Civilization theory: knowledge of history — cognition of the present]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2008, no. 9, pp. 84–88. (in Russ.).
- Sledzevskiy I. V. [Dialogue of civilizations in the global dimension: new meanings of the old idea]. *Tsivilizatsii* [Civilizations]. Moscow: Nauka Publ., 2017, iss. 11, pp. 11–53. (in Russ.).
- Sledzevskiy I. V. [Cultural and Scientific Foundations of Modernization theory (problem of relations)]. *Tsivilizatsii* [Civilizations]. Moscow: Nauka Publ., 2015, iss. 10, pp. 52–78. (in Russ.).
- Tsivilizatsii v globaliziruyushchetsya mire. Predvaritel'nyye itogi mezhdistsiplinarnogo proyekta: po materialam nauch. konf.* [Civilizations in a globalizing world. Preliminary results of the interdisciplinary project: based on the materials of the Sci. Conf.]. Moscow: IMEMO RAN Publ., 2009, 162 p. (in Russ.).
- Tsivilizatsii* [Civilizations]. Moscow: Nauka Publ., 2014, iss. 9, 267 p. (in Russ.).
- Touraine A. La fin des sociétés [The end of companies]. Paris: Seuil, 2013, 657 p. (in French).
- Vorob'yeva O. V. [History and theory of civilizations: in search of new perspectives]. *Tsivilizatsii* [Civilizations]. Moscow: Nauka Publ., 2014, iss. 9, pp. 5–26. (in Russ.).